

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Широкое и узкое либертарианство

Чарльз Джонсон

Чарльз Джонсон
Широкое и узкое либертарианство
4 сентября 2012 г.

c4ss.org

ru.anarchistlibraries.net

4 сентября 2012 г.

ширина от последствий (вера что без эготистского вмешательства против частной дискриминации эти жизненные выборы станут невозможны перед лицом оппозиции гражданского общества). Я, как левый либертарианец, нахожу эти специфические призывы обманчивыми (или, в случае Хоппе, гротескными). Но это означает лишь то, что я не согласен *сконкретными предпосылками*, а не с *общей формой доказательства*, которым пользуются все широкие формы либертарианства.

То, какие конкретно социальные и культурные проекты либертарианцы, как последовательные либертарианцы, должны включать в свою теорию и использовать на практике, всё ещё неясно и требует полноценной дискуссии о деталях. Но я надеюсь что этим эссе я немного прояснил фундамент, который необходимо прояснить, чтобы вести эту дискуссию.

-Rad Geek

Оглавление

Ширина по логическому следствию и по конъюнкции	9
Ширина по применению	13
Ширина по основаниям	15
Стратегическая ширина – предпосылки свободы	18
Ширина от последствий – эффекты свободы	23
Дальнейшие рассуждения	26

чин почему бы защитникам широкого либертарианства пришлось его принять. Это важная дискуссия, и заслуживающая проведения, но проведения где-то ещё, поскольку она независима от дискуссии о ширине.

Во-вторых, должно быть ясно, что я не пытался представить детальные обоснования конкретных утверждений, которые я высказал в пользу конкретных «широких» течений, например, утверждений, что либертарианцы имеют причины бороться с сексизмом или поддерживать свободные от государства формы взаимопомощи и трудовой солидарности. Чтобы объяснить разные формы ширины я использовал примеры преимущественно из леволибертарианской литературы, и я считаю что есть хорошие аргументы в пользу именно этой литературы. Но с позиции этого эссе эти требования задуманы как иллюстрации концептов, а не доказательства леволибертарианского анализа. Несмотря на всё, сказанное мной здесь, может быть истинным утверждение что дальнейшие доказательства раскроют существование ширины по применению, по основаниям, от стратегии или от последствий в пользу форм либертарианства, отличных от той, которой я придерживаюсь, например ортодоксального Объективизма, или формы, которая является её полной противоположностью, например Хоппеанского «палеолибертарианства». Например, рассмотрим причины согласно которым объективисты идут за пределы одних лишь принципов *laissez-faire*, например, занимаясь культурным возвеличиванием большого бизнеса — это фактически ширина от оснований (Рэндианский эгоизм) и стратегическая ширина (вера в то, что антагонизм в сторону большого бизнеса подкидывает углы в печку «альtruистичных» этатистов). Или рассмотрим причины которые предлагает Хоппе для острекализации гомосексуалов и запрета на широкомасштабную миграцию неквалифицированной рабочей силы — это фактически

учитывать, что поддержка любой формы стратегической ширины сама по себе не принуждает вас к поддержке постепенности. Это отдельный вопрос для ответа на который требуются отдельные доводы. Из веры в то, что определённые материальные или культурные предпосылки необходимы для создания процветающего или долгоживущего свободного общества логически не следует позиции, следует ли государственным вторжениям в частную жизнь продолжаться, пока эти предпосылки устанавливаются. Диалектическая чувствительность требует от нас оценить возможность того, что индивидуальные отношения и культурные институты могут *динамически подстроиться* под изменения политической структуры, и эти изменения могут быть благосклонны, а не враждебны, культурной базе, которую мы защищаем. Или могут и не подстроиться: нелиберальные отношения могут быть непреклонны, и даже без этатизма они могут тем не менее найти новые, столь же разрушительные формы выражения. Они могут даже ухудшиться. Эта идея ожидает дальнейшего исследования, и не разрешается простым принятием широкого либертарианства против узкого либертарианства.

Но даже если вы придёте к выводу, что немедленная отмена этатистского контроля без предпосылок обречена на провал, а не на культурную адаптацию, это всё ещё не разрешает диспут в пользу постепенности. Чтобы это сделать, вам нужно найти какой-то дополнительный моральный аргумент, который покажет, что люди имеют право продолжать вторгаться в права других людей с целью сохранить некий стандарт жизни, либо чтобы избежать агрессии со стороны некой третьей партии в будущем. Я считаю, что такой аргумент, который вам нужно добавить к широкому либертарианству с целью оправдать постепенность, морально невозможно защитить. К счастью, поскольку он не связан напрямую со стратегической шириной, нет при-

В какой степени либертарианцы должны быть заинтересованы социальными течениями, практиками, проектами и движениями в поиске социальных результатов за пределами стандартной либертарианской обязанности расширять границы свободы за пределы государственного принуждения?

Очевидно, что последовательный и принципиальный либертарианец не может поддерживать движения и убеждения, которые *противоречат* либертарианским принципам, например, движения за изменение общества посредством государственного вмешательства. Но, если убрать принуждающие законы с доски, что следует либертарианцу думать о других религиозных, философских, социальных и культурных течениях, преследующих свои цели путём ненасильственных средств, таких, как целенаправленная моральная агитация, массовое образование, художественная или литературная пропаганда, благотворительность, взаимопомощь, общественная поддержка, высмеивание, социальный ostrакизм, целевые бойкоты, социальные инвестиции, замедление темпов роста и бойкоты в конкретном магазине, общие бойкоты и другие формы солидарности и координированного действия? Какие социальные движения следует поддерживать, каким противостоять, к каким испытывать безразличие? И как нам их отличить?

Недавно эта проблема снова возникла в контексте дебатов на тему того, следует ли либертарианцам разделять широкие обязательства по социальным проблемам, традиционно ассоциируемым с антиавторитарными левыми движениями, такими, как: феминизм, борьба против расизма, борьба за права геев, контркультура, организованное трудовое движение, взаимопомощь и борьба за окружающую среду. Крис Скьябарра призвал к принятию «диалектического либертарианства», которое подразуме-

вает, что «аналогично тому, как отношения со властью происходят в этических, психологических, культурных, политических и экономических измерениях, борьба за свободу также должна вестись с упором на определённое сочетание моральных, психологических и культурных факторов» (Абсолютная Свобода, стр. 383), и в котором борьба за свободу сочетается с обязательствами борьбы с гомофобией и расизмом. Кевин Карсон раскритиковал «вульгарных либертарианцев» и «защитников капитализма», которые «похоже с трудом помнят от момента к моменту, защищают ли они существующий капитализм или же принципы свободного рынка» (Исследования Политической Экономии Мьючуализма, стр. 142). Он также высказал позицию, что анархисты свободного рынка должны объединяться с теми радикальными индустриальными профсоюзами, такими как IWW, которые отвергают вмешательство государственной трудовой бюрократии. Радикальные либертарианцы включая Кэрол Мур, Родерика Лонга и меня высказали предложение, что радикальные либертарианские идеи естественно сочетаются с антиэтатистской формой радикального феминизма.

С другой стороны Ян Нарвесон высказал довод, что леволибертарианская озабоченность важностью культурных и социальных положений в лучшем случае является стратегической проблемой, которую либертарианцы должны считать отдельной от «структур нашей теории». Леонард Рид, неутомимый основатель FEE, как известно, утверждал, что либертарианство совместимо со «всем, что миролюбиво». Уолтер Блок также раскритиковал «левое крыло либертарианства» за «искажение либертарианства» (Либертарианство уникально, стр. 28) в попытке интегрировать общие задачи левых в либертарианский проект. До тех пор, пока культурные ценности выражаются без правительственно-го вмешательства или любой другой формы принуждения

места, и позволять себе лишь призывать к ограниченным и умеренным отменам регуляций?

В течение большей части своей карьеры, Мюррей Ротбард поддерживал форму узкого либертарианского анархизма, утверждая что либертарианство «не придет никуда, пока мы не осознаем, что не существует и не может существовать никакой “либертарианской” культурной повестики» («Левый оппортунизм: Пример SLS, часть первая» в «Либертарианском Авангарде», февраль 1981, стр. 11). В то же время он поддерживал ультра-немедленность, шутя, что если бы существовала магическая кнопка, которая мгновенно стирала бы все аспекты государства, он бы сломал свой палец, нажимая на неё. В «Абсолютной Свободе» Крис Скьябарра критикует узкое либертарианство Ротбарда как «неприкованный утопизм» (стр. 202). Скьябарра утверждает, что «диалектическая восприимчивость» рекомендует более всестороннюю трёхуровневую модель социальной трансформации, включающую не только политическую структуру государства, но также взаимосвязанные динамики, которая влияет на политическую структуру (Уровень 3), и на которую влияет индивидуальная психология и философия (Уровень 1) и рамки установленных культурных институтов (Уровень 2).

Критика Ротбардианства Скьябаррой и его более поздние работы о внешней политике подчёркивали опасность преследования либертарианского курса напрямую в контексте, где либертарианский индивидуализм и антиавторитаризм не являются установившимися в местной культуре. Всё это заставляет предположить что Скьябарра предпочитает форму либертарианской постепенности и предполагает, что любая форма немедленности опирается на недиалектическое пренебрежение к культурному базису, необходимому для сохранения свободы. Но вне зависимости от того прав ли Скьябарра или же не прав, вам нужно

Дальнейшие рассуждения

Я должен прояснить, если это ещё не стало ясно, что этим эссе я постарался поднять некоторые проблемы, спровоцировать некоторое обсуждение и предложить категории для разумного его ведения. Я не пытался ответить на все вопросы, которые поднял, или предложить абсолютно полное исследование «широких» концепций либертарианства. Я сознательно оставил многие вопросы без ответа для последующей дискуссии. Два из них заслуживают особенного упоминания в порядке избегающем возможной путаницы.

Во-первых, указание на тот факт что последовательные либертарианцы имеют причины, как последовательные либертарианцы, поддерживать другие социальные проекты в дополнение к либертарианству, поднимает связанный, но что очень важно отдельный вопрос: должны ли либертарианцы предпочитать постепенный или немедленный подход к исчезновению государственного контроля, в то время как те другие социальные проекты остаются незавершёнными в своём прогрессе? В частности, если достижение или сохранение процветающего свободного общества зависит от наличия определённых социальных и интеллектуальных предпосылок, должны ли либертарианцы всё ещё напрямую действовать с целью исчезновения государственного контроля немедленно и полностью, вне зависимости от социальной или культурной ситуации? Или же они должны подождать пока всё не встанет на свои

— утверждает Блок — они не должны заботить «первоклассных» либертарианцев вне зависимости от того, являются ли эти ценности левыми, правыми или какими-либо ещё: «Эта проблема никак не связана с либертарианством. <...> Нет, это всё вопросы вкуса, и следовательно спорить здесь не о чём.» (Там же, стр. 29).

Тем не менее, важно также учитывать, что проблема, обсуждаемая в этих дискуссиях, выходит за рамки дебатов о непосредственно леволибертарианстве. Эти дискуссии приводят к довольно странным союзам: не только левые либертарианцы защищают позицию о том, что либертарианство должно сочетаться с критикой существующих общественных отношений, но также и «палеолибертарианцы», такие как Гэри Норд и Ганс-Герман Хоппе, когда высказывают равное, но противоположное утверждение о том, что деятельность по созданию процветающего свободного общества должна быть объединена с культурным антиэгалитаризмом и религиозным традиционализмом. Аналогичный довод приводят объективисты Рэнд, когда доказывают, что политические свободы могут возникнуть только из культуры секулярного романтического индивидуализма и интеллектуальной среды, опирающейся на всеобщее довольно специфичное согласие с тенетами объективистской метафизики, этики и эпистемологии. Абстрагируясь от многочисленных, зачастую взаимно противоречащих деталей конкретных культурных проектов, которые были рекомендованы или раскритикованы во имя либертарианства, принципиальная проблема заключается в том, должно ли либертарианство считаться «узким» течением, которое может счастливо сочетаться с абсолютно любым ненасильственным набором ценностей и проектов, или же оно должно считаться одной нитью в «широком» пучке взаимосвязанных течений. Эти дискуссии зачастую интимно сопряжены с другими диспутами о специфических

применениях либертарианской теории права, или о классовом анализе и механизмах социальной власти. Ради того, чтобы лучше осознать что на кону, необходимо сделать вопрос более конкретным и определить различия между разными возможными отношениями либертарианства и более «широкими» связками социальных, культурных, религиозных или философских течений, которые могут потребовать интеграции с либертарианством на том или ином уровне.

предпринимателям разрушить тяжёлых корпоративных колоссов через энергичную конкуренцию на рынках труда, земли и капитала. Так, в той степени, в которой жестокие фабричные условия и низкие зарплаты поддерживаются, а альтернативные условия вроде рабочих кооперативов подавляются правительством через драматичные ограничения прав собственности во всём развивающемся мире, ограничения, эксплуатируемые оппортунистскими корпорациями, которые часто сотрудничают с авторитарным правительством и проправительственными парамилитаристскими группами в сохранении и расширении легальных привилегий, краже земли и угнетающем местном порядке — либертарианцы, как последовательные либертарианцы, имеют причины осуждать социальные злодеяния, возникающие из таких трудовых практик. Пусть они и могли бы в принципе возникнуть в свободном рынке, настоящий рынок в котором они возникли абсолютно не свободен, и есть причины считать что в истинно свободном рынке условия обычных работников, пусть даже очень бедных, будут другими, и гораздо лучшими. Конечно это не даёт либертарианцам причин поддерживать «решение» социалистов-этатистов, заключающееся в выдаче большей власти «прогрессивному» правительству в непродуманной попытке исправить то, что хищническое правительство уже совершило. Но это даёт либертарианцам причины поддерживать добровольные, свободные от государства формы солидарности. Такие, как частная сертификация «честной торговли», возникновение частных профсоюзов, и общества взаимопомощи, которые работают, чтобы подорвать эксплуативные практики и построить новое общество в раковине старого.

рым регуляторы пытаются помочь. Но проблема состоит в том, что этот анализ зачастую пытается оправдать существующие бизнес-практики, апеллируя к принципам свободного рынка, в то время, как эти практики возникли в существующем рынке, который далеко не свободен. С точки зрения Карсона и МакКензи, пусть либертарианцы двадцатого века были правы, критикуя эстетистских социалистов, чтобы существующие режимы производства не были ещё больше искажены расширением правительственной власти, слишком многие либертарианцы двадцатого века путали это умозаключение с иллюзией, что существующие режимы производства уже являются естественным итогом *неискаженного* рынка. Вопреки этим заблуждениям Карсон и МакКензи возродили утверждение из традиции индивидуалистических анархистов девятнадцатого столетия, таких как Бенджамин Такер, утверждавших, что преобладающие правительственные привилегии для начальников и капиталистов — монополии, регуляторная картелизация банков, манипуляции валютой, легальные ограничения и милитаристское насилие против бойкотировавших профсоюзов, политизированное распределение земли спекулянтам и так далее — исказили рынки таким образом, чтобы систематически подталкивать рабочих в ненадёжные и приводящие к нищете условия и заставлять их сводить концы с концами вопреки несвободному рынку земли и капитала, принимая работу на «свободном» рынке труда на условиях начальника.

С точки зрения Такера, как и с точки зрения Карсона и МакКензи, эта систематическая концентрация богатства и рыночной власти может существовать столь долго лишь пока правительство продолжает вмешиваться в рынок для её поддержания. Конкуренция на свободном рынке позволила бы рабочим улучшать свою жизнь вне традиционных корпоративных каналов, и потому позволила бы

Ширина по логическому следствию и по конъюнкции

Давайте начнём с наиболее ясных и наименее интересных примеров.

Существуют ситуации, в которых определённые социальные, культурные, религиозные и философские убеждения могут быть просто применением либертарианских принципов к какому-то специальному случаю, что следует из принципа неагрессии по закону непротиворечия. Ацтекский либертарианец может сказать: «Конечно же либертарианство должно сочетаться с позицией в отношении определённых религиозных доктрин! Это значит, что вы должны прекратить приносить человеческие жертвоприношения Уицилопочтли!». Или, если речь о политических дискуссиях в настоящем, можно утверждать, что либертарианство должно активно препятствовать определённым традиционным практикам, которые подразумевают систематическое использование насилия против мирных людей, например, Восточно-Африканские обычаи насильтвенного обрезания клитора маленьких девочек, или Американская и Европейская традиция оправдывать убийство мужчиной неверной жены или её любовника (пусть это формально и запрещено правительственными законами, убийства мести ещё недавно не сопровождались наказанием либо сопровождались меньшим наказанием,

чем за обычные убийства). В этих случаях последовательное, принципиальное либертарианство требует критики таких социальных и культурных практик по той же причине, по которой оно требует критики правительственного вмешательства: потому что принцип неагрессии запрещает любое насилие против индивидуальных прав на жизнь, свободу и собственность, вне зависимости от того, кто его совершает. Так что мы можем назвать этот уровень интеграции «шириной по логическому следствию». Ширина по логическому следствию поднимает одну важную проблему: либертарианцам необходимо осознавать, что принцип неагрессии обязывает их быть политическими оппонентами любым формам систематического принуждения, а не только формам, которые официально практикуются правительством. Таким образом принципиальное либертарианство политически связано не только с антиэтатизмом, но также с оппозицией к «частным» формам систематического принуждения, таким, как рабство и домашнее насилие над женщинами. Но в конце концов, сомнительно считать ширину по логическому следствию формой «ширины» в принципе, поскольку она сводится лишь к тому, что либертарианцы всегда должны быть принципиальными либертарианцами.

На обратном полюсе мы можем рассмотреть степень, в которой существуют социальные и культурные убеждения, которых либертарианцы должны придерживаться, поскольку они заслуживают принятия сами по себе, вне зависимости от либертарианских идей. Например либертарианцам стоит быть добрыми к детям, поскольку (помимо прочего) доброта к своим детям это ценность достойная принятия сама по себе. Вы могли бы назвать это «шириной по конъюнкции», поскольку единственное отношения, которые она устанавливает между либертарианством и каким-либо другим социальным убеждением (например

Ширина от последствий — эффекты свободы

Наконец, возможно существуют социальные практики и исходы отношений, которым либертарианцы должны (в определённом смысле) противостоять, несмотря на то, что они сами по себе не являются принудительными, поскольку (1) принудительные действия правительства были предпосылками их появления либо сохранения и (2) существуют *независимые* причины считать их социальным злом. Если агрессия морально нелегитимна, то либертарианцам логично не только сопротивляться ей, но также сопротивляться деструктивным следствиям из неё, даже если в определённом важном смысле эти результаты не относятся напрямую к принуждению. Так, например, левые либертарианцы такие, как Кевин Карсон и Мэтт МакКензи поддерживали либертарианскую критику определённых бизнес-практик, таких, как низкооплачиваемый труд на заводах, как эксплуататорских. В течение 20-ого века многие либертарианцы стремились защитить такие практики на том основании что они происходят из рыночных процессов и потому, что такое ведение дел зачастую лучший экономический выбор для экстремально бедных людей в развивающихся странах, и потому, что решение социалистов-государственников, заключающееся в расширении правительственные регуляций на уровень зарплат и условий, негативно влияет на рынок, нарушает права рабочих и начальников и вредит самим рабочим, кото-

интеллектуальные предпосылки, так что принципиальные либертарианцы имеют стратегические причины продвигать их, и принимать формы активизма которые продвигают их неэтатистскими, добровольными средствами.

добротой к детям), состоит в том, что вы должны принять это убеждение (по причинам не связанным с либертарианством), и также — так совпало — вы должны принять либертарианство. Но опять же, довольно сложно считать ширину по конъюнкции интересной формой «ширины», которой должно требовать либертарианство. Если либертарианство истинно, мы все должны быть либертарианцами. И помимо бытия либертарианцами, мы также должны быть хорошими людьми. Это верное умозаключение, но вряд ли интересное, и непонятно, кто бы взялся его отрицать. Определённо не те, кто обычно защищают позицию «узкого либертарианства».

Ширина по логическому следствию и ширина по конъюнкции не говорят нам ничего интересного о природе отношений либертарианства и других социальных течений. Но они показывают, что наша проблема должен формулироваться более конкретно, чем так, как она обычно формулируется. Логическое следствие проясняет, что последовательное либертарианство означает не только борьбу с правительенным вмешательством, но также и оппозицию к любым формам принуждения мирных людей вне зависимости от того, происходят ли они под юрисдикцией государства или же нет. А конъюнкция проясняет, что по-настоящему интересно не то, должны ли либертарианцы также противостоять социальным и культурным злодействиям помимо тех, которые связаны с принуждением (естественно должны), но более конкретно, существуют ли другие типы зла, с которыми либертарианцы должны бороться как либертарианцы, то есть существуют ли иные обязательства, которых должны придерживаться либертарианцы, помимо принципа неагрессии, как минимум отчасти из-за их либертарианских обязательств. В обоих рассмотренных нами случаях логическое «отношение» либертарианских принципов и иных приверженностей ли-

бо слишком тесное (прямое логическое следствие), либо слишком свободное (всего лишь конъюнкция), так что либо приверженности перестают быть «иными», либо они становятся совсем независимы от либертарианства. Защитники концепции узкого либертарианства, такие как Блок и Нарвесон, часто утверждают будто бы эти две спорные формы «ширины» являются единственными отношениями, которые мы можем предложить, и если они правы, то выходит, что действительно нет ничего особо интересного, что можно сказать в пользу широкого либертарианства. Но я постараюсь доказать, что между теснейшей возможной связью и свободнейшей возможной связью существует как минимум четыре других интересных связи, которые могут существовать между либертарианством и иными социальными и культурными течениями. В той степени, в которой они позволяют связь свободнее чем логическое следствие, но теснее чем конъюнкция, они предлагают несколько важных, но различных маршрутов для анализа и критики широкого либертарианства.

сто логическое следствие из принципа неагрессии. Определённо у всех есть право верить во что-то просто потому что «все» в это верят, или делать что-то потому что «все» так делают, до тех пор пока их конформизм уважает равные права независимых мыслителей мыслить независимо и независимо распоряжаться своей персоной и собственностью. Логически возможно предположить такое общество, которое при *rigidной* консервативности оставалось бы абсолютно свободным. Достаточно того, чтобы индивидуальные люди в этом обществе были преимущественно психологически и культурно склонны к подчинению и чувствительному отношению к социальному неодобрению, остроклизму, вербальному давлению, так что они все добровольно выбирают идти вместе с толпой.

Но, опять же, пусть это и логически возможно для людей в таком обществе уважать индивидуальные свободы, такое вряд ли случится, и даже если это случится, вряд ли статус-кво останется таким надолго. У либертарианцев есть причины верить, что логика и независимое мышление хороши для свободы потому, что в современном несвободном обществе, где абсолютное большинство людей вокруг является эстатистами, требуется довольно сильное критическое мышление и сопротивление общественному давлению, чтобы прийти к либертарианским выводам. И скорее всего схожим образом в свободном обществе для того, чтобы успешно сопротивляться последующим попыткам восстановить коллективизм или другие формы эстатистского принуждения, будут необходимы здоровое уважение критического мышления и ненависть к конформизму.

Пусть из принципа неагрессии и не следует какое-то определённое отношение к социо-экономическому равенству, или к независимому мышлению, вероятно, что любой шанс на *введение* принципа неагрессии в мире будет зависеть от того, были ли созданы эти материальные или

Но и в том случае, если проблемы бедности и экономического неравенства разрешат себя в обществе, которое уже было свободным в течение некоторого времени, они всё ещё крайне проблематичны для общества вроде нашего, которое не является свободным, которому либертарианцы надеются помочь стать свободным через образование и активизм. Определённо в *нашем* несвободном рынке существует крупномасштабное неравенство и распространённая беднота, по большей части искусственно сформированная тяжёлой рукой правительственного вмешательства в форме прямых субсидий и создания обманчивых или зависимых рынков. Те олигархи, которые наслаждались плодами этих привилегий, могут проявлять, проявляют и будут проявлять некоторые из тех потрясающих преимуществ, которыми они наслаждаются в сфере материальных ресурсов и политического авторитета, с помощью которого они будут давить на правительство с целью поддерживать или расширять вмешательства, от которых процветает их класс. Поскольку либертарианцы рассчитывают уничтожить эти вмешательства, имеет стратегический смысл противостоять консолидированной экономической власти, которой обладают привилегированные правительством олигархи, и поддерживать добровольные, неправительственные группы, которые работают с целью освободить общество. В ином случае мы можем обнаружить себя пытающимися бороться с рогатками в то время, как у наших врагов есть базуки.

Или менее неоднозначный пример. Многие либертарианцы, если не большая их часть, за всю историю движения утверждали, что существуют причины для либертарианцев продвигать культуру, в которой логика и независимое мышление высоко ценятся, а слепой конформизм оценивается негативно. Но если это достойная цель для обретения свободы — эта цель должна иметь иные причины чем про-

Ширина по применению

Одна из наиболее важных, но наиболее игнорируемых форм ширины — то, что я называю «шириной по применению». Могут существовать обязательства, которые либертарианец может отвергнуть, формально *не нарушая* принципа неагgressии, но которых он не может отвергнуть без *де-факто* вмешательства в его правильное применение. Принципы за пределами либертарианства могут быть необходимы для того, чтобы определить, где начинаются мои права и заканчиваются ваши. Или для того чтобы помочь снять концептуальные шоры, которые не дают воспринимать определённые нарушения свобод как таковые.

Рассмотрим, например, как бытовой политический коллективизм предотвращает осознание многими нелибертарианцами налогообложения и законодательства демократического правительства как формы принуждения. (В конце концов, разве «мы» все на это не согласились?) Или более противоречивый пример: возьмём феминистскую критику традиционного разделения между «личным» и «политическим» в обществе и тех, кто разделяет эти сферы таким образом, что всеобъемлющее систематическое насилие и принуждение внутри семей оправдывается или игнорируется как нечто «частное», и оттого менее серьёзное. В той степени, в которой феминистки права о том, как сексистские политические теории защищают или оправдывают систематическое насилие против женщин, в определённом важном смысле либертарианцы, поскольку они либертарианцы, должны также быть феминистами. Важно также

заметить, что обязанности, которые должен здесь взять на себя либертарианец, не являются *всего лишь* применением общих либертарианских принципов к специальному случаю. Довод требует ресурсов *помимо* принципа *неагрессии* чтобы определить где и как принцип правильно применяется. В этом смысле требуемая ширина шире ширины по логическому доводу, но сумма широких обязательств всё так же является прямым вкладом в дело полного применения принципа неагрессии.

вольные ассоциации, например, общества взаимопомощи и добровольную благотворительность, которые борются с неравенством и избавляются от эффектов бедности. Либертарианцы должны заботиться о добровольных мерах борьбы с бедностью не потому, что из принципов свободного рынка логически следует поддержка того или иного конкретного социоэкономического исхода (очевидно, нет), и не потому, что благотворительность и всеобщее материальное благополучие заслуживают борьбы сами по себе (может и так, но это бы свело довод к ширине по конъюнкции). Скорее, идея состоит в том, что могут существовать значимые причинные отношения между экономическими исходами и материальными возможностями сохранения свободного общества. Даже абсолютно свободное общество с большим набором людей за чертой бедности скорее всего окажется под угрозой гражданской войны. Даже абсолютно свободное общество в котором небольшой класс олигархов обладает абсолютным большинством благ, а большей части населения почти ничего не принадлежит, вряд ли сможет остаться свободным надолго, если олигархи решат использовать своё богатство, чтобы захватить насильтственные легальные привилегии против не обладающего собственностью большинства просто потому, что у них есть достаточно ресурсов для атаки, а у большинства ресурсов для защиты от атаки нет. Конечно, столь постоянная, отчаянная бедность и масштабное неравенство в ресурсах почти всегда является результатом правительенной интервенции, и потому они столь же важны для ширины от последствий, как обсуждается ниже, как и для стратегической ширины, так что вряд ли многие абсолютно свободные общества столкнутся со столь суровой ситуацией. Со временем многие, если не все эти проблемы разрешат себя через спонтанные рыночные процессы даже без сознательного активизма против бедности.

Стратегическая ширина – предпосылки свободы

Могут существовать случаи, в которых определённые идеи, практики или проекты не связаны ни с принципом неагgressии, ни с лучшими причинами принимать принцип неагgressии, и не необходимы для его правильного применения, но при этом являются причинными условиями реализации принципа неагgressии в мире. Пусть отвержение этих идей, практик или проектов было бы логически сочетаемо с либертарианством, их успех может быть важен или даже необходим для того чтобы возник спрос на либертарианство в существующем этатистском обществе, либо для того чтобы будущее свободное общество возникло из этатизма без всеобъемлющей бедности и социальных конфликтов, или чтобы будущее свободное общество смогло защищать себя от агрессивных этатистских соседей, угрозы гражданской войны или внутреннего развала обратно к этатизму. В той степени, в которой эти идеи, практики или проекты являются предпосылками процветающего свободного общества, у либертарианцев есть стратегические причины их поддерживать, даже если они концептуально независимы от либертарианских принципов.

Так, например, леволибертарианцы такие как Родерик Лонг, утверждают что у либертарианцев есть причины заботиться об экономическом неравенстве, о большом количестве людей, живущих в бедности, и поддерживать добро-

Ширина по основаниям

Второе логическое отношение из тех, что могут происходить между либертарианством и иными убеждениями, я называю «шириной по основанию». У либертарианцев есть много идей по поводу теоретического фундамента принципа неагgressии, то есть лучших причин быть либертарианцем. Но какие бы общие фундаментальные убеждения ни разделяли либертарианцы, эти убеждения могут иметь логические следствия помимо собственно либертарианства. Так могут существовать примеры того, как определённые убеждения или обязательства могут быть отвергнуты без противоречия с принципом неагgressии, но не могут быть отвергнуты без логического противоречия с глубинными причинами, которые являются основаниями для принципа неагgressии. Пусть вы могли бы последовательно принимать либертарианство без принятия этих обязательств или убеждений, вы не могли бы это сделать имея на тонюю и последовательную мотивацию: отрицание этих убеждений означает отрицание правильных оснований для либертарианства.

Рассмотрим, например, концептуальные основания, согласно которым либертарианцам стоит противостоять авторитаризму, не только проявляемому государством, но также выражаемому в культуре, бизнесе, семье и гражданском обществе. Социальная система статуса и авторитета включает в себя не только насилиственную силу правительства, но также целую группу идей, практик и институтов, построенных на подчинении традиционным

авторитетам. В политике эти паттерны подчинения наиболее ясно проглядываются в использовании почётных титулов, этикете покорности и беспрекословном подчинении, традиционно ожидаемых главами государства, судьями, полицейскими и другими представителями правительенной системы «закона и порядка». Пусть эти ритуалы и привычки существуют как часть эстатистской системы подчинения и устрашения, они также часто практикуются добровольно. Подобные типы подчинения часто ожидаются начальниками от работников, родителями и учителями от детей. Подчинение традиционным авторитетам подкрепляется не только через насилие и угрозы, но также через искусство, юмор, проповеди, историю, журналистику, традиционное воспитание детей и так далее. Пусть политическое принуждение и является самым чётким выражением политического неравенства, оно могло бы, в теории, существовать и без использования насилия. Даже в абсолютно свободном обществе все могли бы добровольно согласиться преклоняться и унижаться и говорить только в присутствии (добровольно избранного) Вождя, или беспрекословно соглашаться подчиняться его запретам и регуляциям, соблюдения которых он требует в бизнесе и личной жизни, или согласиться давать ему ту долю своего имущества и заработка, которую он захотел, в качестве добровольного «налога». До тех пор пока ожидание подчинения и спрос на перераспределение имущества поддерживаются лишь вербально, культурным восхвалением мудрых и доблестных властей и социальным ostrakizmom «непослушных» диссидентов, и так далее, эти требования не нарушают ничьих индивидуальных прав на свободу и собственность. Но пусть в таком социальном порядке нет ничего противоречащего либертарианскому видению, он определенно *странный*. Да, в свободном обществе слабые могут добровольно согласиться преклоняться и подчинять-

ся, а сильные могут злобно, но ненасильственно, требовать подобострастного обращения и незамедлительного подчинения их приказам. Но зачем им это? Добровольный авторитаризм может быть сочетаем с либертарианскими принципами, но было бы странно и неразумно их объединить. Какие бы причины у вас не были для того чтобы отвергать высокомерные требования жадных до власти политиков и бюрократов, например, принятие идеи Джейферсона что все мужчины и женщины рождены с равным политическим авторитетом, и ни у кого нет естественного права править другими людьми — скорее всего они будут достаточными и для отверждения других типов авторитарных претензий, даже если они не были выражены средствами принудительного аппарата правительства. Пусть никто не должен быть принуждён уважать других людей как равных, или культивировать независимое мышление и ненавидеть власть, либертарианцы определённо могут, и должны, *критиковать* тех, кто этого не делает, и *призывать* наших товарищей не опираться на авторитарные социальные институты по тем же самим причинам, по которым мы в принципе стали либертарианцами.